

Введение:

Данное исследование является [продолжением](#) темы об использовании статьи 20.3 КоАП в качестве инструмента преследования за проявление своих патриотических убеждений к Украине и подавления нелояльных групп на временно оккупированной территории Крыма под видом борьбы с экстремизмом.

Ранее, в июне 2024 года “Крымский процесс” исследовал судебную практику, связанную с “украинскими” кейсами по статье 20.3, связанных с публичным демонстрированием нацистской, экстремистской и другой запрещенной символики и пришел к выводу, что в таких кейсах суд проявляет поверхностный подход, отдает предпочтение более размытым, а не конкретизированным квалификациям правонарушений и стремится к более жестким, а также дополнительным формам наказания, не взирая на гендерную принадлежность и возраст привлекаемых лиц.

Однако, предыдущее исследование фактически было сфокусировано только на процессах, связанных с преследованиями за проявление симпатий к Украине и никак не отвечало на вопрос о том, имеют ли место подобные подходы к другим группам, привлекаемым к административной ответственности за демонстрацию нацистской, экстремистской и другой запрещенной - “не украинской” - символики. Кроме того, в его задачи не входила оценка пропорциональности этих других групп в сравнении с числом преследований симпатиков Украины.

Таким образом, имея детальный анализ процессов и тенденций по преследованию одной группы населения, открылась возможность посмотреть на практику в целом, увидеть в цифрах какие приоритеты стоят перед службами по противодействию экстремизму и насколько характерными для судебной системы являются проблемы, обнаруженные при работе с делами в отношении людей, которые придерживаются украинских взглядов.

Гипотеза данного исследования заключается в том, что число преследований за демонстрирование всех других видов символики значительно меньше, чем в отношении “украинской группы”, подходы к рассмотрению дел более качественные, а наказание однократное и чаще не связанное с лишением свободы.

Цель и задачи:

Цель: провести сравнительный анализ между судебной практикой по делам, связанным с демонстрированием украинских убеждений и практикой рассмотрения дел за демонстрирование иной нацистской, экстремистской и запрещенной символики.

Задачи:

- 1) Проанализировать весь массив судебных решений за установленный временными рамками исследования интервал;
- 2) Категоризировать основные виды демонстрирования нацистской, экстремистской и запрещенной символики;
- 3) Установить пропорциональную представленность каждого вида в общей массе судебных решений за установленный временными рамками исследования интервал;
- 4) Провести сравнительный анализ между группами по таким критериям:
 - a) доля решений с наказанием в виде лишения свободы
 - b) наличие дополнительных обвинений;
 - c) наличие фактов публичного унижения или физического насилия;
 - d) наличие и характер публикаций о правонарушениях в СМИ;
 - e) доля решений с экспертными заключениями и их детализацией;
 - f) доля решений с отсутствием ссылок на законные основания преследования;
 - g) наличие усилий суда по проверке/установлению мотивов демонстрирования запрещенной символики.

География и временные рамки:

Исследование включает изучение практики во всех судах общей юрисдикции на временно оккупированной территории АР Крым и города Севастополь. Временные рамки исследования — с 1.01.2025 по 30.06.2025 года. Выбор именно таких временных рамок обусловлен отсутствием достаточных ресурсов для изучения вопроса в более широком временном диапазоне. И хотя в дальнейшем запланировано расширение временных рамок, полагаем, что период в 6 месяцев является достаточным для репрезентативного представления выявленных особенностей судопроизводства.

Подробное описание исследования:

Для выполнения задачи по анализу всего массива судебных решений о демонстрировании нацистской, экстремистской и другой запрещенной символики использовались открытые данные, представленные на официальных сайтах судебных органов, функционирующих на временно оккупированной территории Крыма. От метода личного наблюдения в данном исследовании пришлось полностью отказаться, поскольку судебные процессы по данному типу правонарушений, как правило, проходят в день составления протокола, что исключает возможность своевременной организации наблюдения.

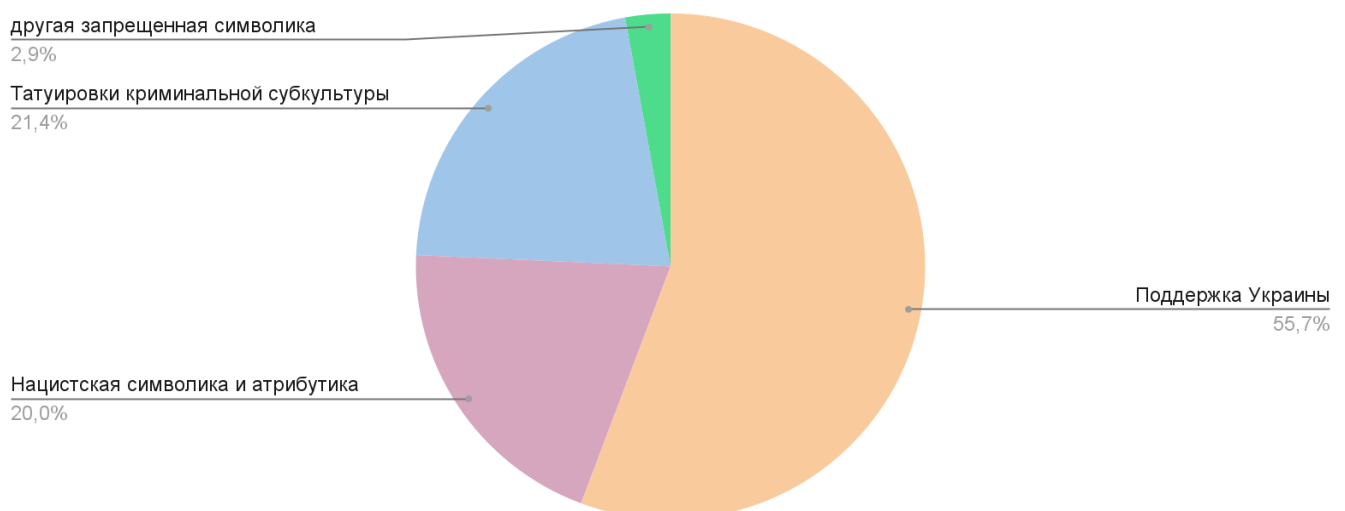
Всего за описанный период в судах Крыма было рассмотрено 96 дел по статье 20.3 КоАП. Не рассмотренных дел нет. За исследуемый период было отмечено 1 постановление о прекращении производства по делу о правонарушении и 3 случая, когда суд вернул протокол в полицию без дальнейшего рассмотрения дела. Таким образом к наказанию по ст.20.3 за полгода в Крыму и Севастополе привлекли 92 человека.

Для выполнения второй задачи (категоризации) были отобраны все кейсы, по которым в доступе имелись решения или иные материалы, которые могли бы указать на фактические обстоятельства, повлекшие преследование по статье 20.3 КоАП. На момент подготовки исследования в 22 случаях установить такие обстоятельства не удалось. В связи с этим, основным материалом для исследования стали оставшиеся 70 судебных процессов. Проанализировав данные, мы выделили следующие тематические категории:

- а) украинские - за любые действия, связанные с демонстрацией симпатий или поддержки Украины
- б) нацистские - за любые действия, связанные с демонстрацией символики или атрибутики схожей с той, которая использовалась в нацистской Германии
- в) криминальные - за демонстрацию татуировок запрещенного в российском законодательстве неформального объединения уголовников
- г) другие - за демонстрацию символики и атрибутики, не связанной с вышеперечисленными или религиозными темами.

Доля каждой из групп в общей массе проанализированных решений выглядит так:

Темы, за которые преследуют в Крыму по ст.20.3

Как видно из этой диаграммы - борьба со всеми вместе взятыми нарушениями занимает меньше места в работе оккупационных силовых структур, чем противодействие лояльным к Украине жителям. Причем количество дел, связанных с пропагандой нацизма практически в три раза меньше, чем число “украинских” дел.

Далее, в рамках выполнения четвертой задачи (сравнительного анализа), мы посмотрели, наблюдаются ли несколько специфических особенностей судопроизводства, которые характерны для процессов против сторонников Украины, в делах других категорий. При этом в связи с малочисленностью группы “другая запрещенная символика”, два кейса этой категории из сравнительного анализа мы исключили, оставив для сравнения только дела против лиц, демонстрирующих нацистскую символику и сторонников запрещенной криминальной субкультуры.

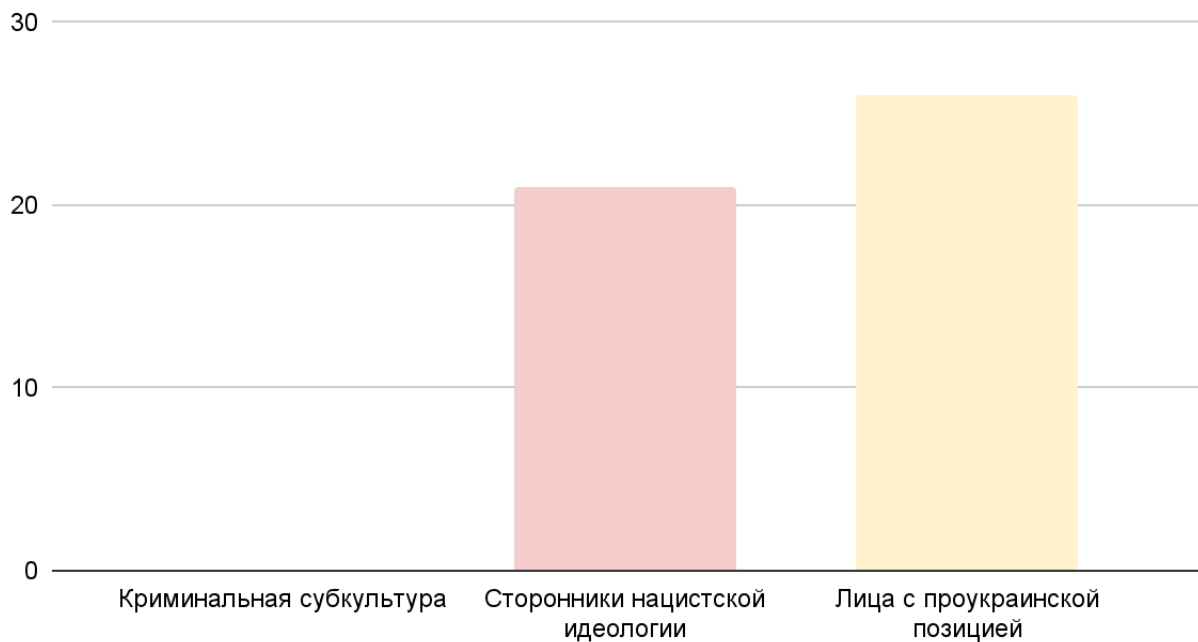
Доля решений с наказанием в виде лишения свободы:

Ни в одном случае по делам о демонстрировании запрещенной символики криминально субкультуры “АУЕ” суд не выносил решения о назначении административного ареста и, даже определяя размер административного штрафа, во всех исследованных случаях избирал самую минимальную сумму в размере 1000 рублей (около 10 евро). Доля решений, связанных с лишением свободы - **0%**.

Из 14 кейсов по обвинениям в пропаганде идеологии нацизма в 2 случаях не удалось установить, какое наказание вынес суд, в 3 случаях это был административный арест, а в остальных – мягкая форма наказания в виде минимального или близкого к минимальному штрафа в размере 1000-2000 рублей (около 10-20 евро). Доля решений, связанных с лишением свободы - **не менее 21%**.

Из 39 кейсов связанных с демонстрацией украинской символики и атрибутики по меньшей мере в 10 случаях суд принимал решение об административном аресте и в 28 случаях - о мягкой форме наказания в виде минимального или близкого к минимальному штрафа в размере 1000-2000 рублей (около 10-20 евро). Доля решений, связанных с лишением свободы - **не менее 26%**.

Процент приговоров с лишением свободы

Однако, тут следует добавить, что решения об арестах выносились в основном Киевским районным судом Симферополя, а также единичные решения принимались в Керчи, Джанкое, Феодосии и Севастополе. В качестве допустимого предположения, такой перекося может объясняться не столько лояльностью суда, сколько техническими возможностями специальных приемников для административно арестованных лиц. В большинстве населенных пунктов такие приемники не рассчитаны на большое количество подстражных и зачастую бывают переполнены в связи с содержанием там подсудимых по уголовным процессам на время суда, в то время как в Симферополе такой проблемы нет.

Наличие дополнительных статей обвинения:

В предыдущем исследовании отмечалось, что дела против лояльных к Украине граждан часто сопровождаются не одним, а двумя, а то и тремя разными правонарушениями. Как правило, совместно с демонстрацией украинской символики, суд рассматривает протоколы:

- о дискредитации российских вооруженных сил (ст.20.3.3 - только штраф)
- о мелком хулиганстве в интернете (ч.3 ст.20.1 - только штраф)
- о неподчинении законным требованиям сотрудника полиции (ст.19.3 - штраф или арест)

Эта тенденция в отношении “украинской группы” осталась неизменной и в период данного исследования - из 39 кейсов в 14 случаях зафиксировано еще одно дополнительное правонарушение и в 4 случаях сразу два дополнительных правонарушения.

При этом за исследуемый период ни одно привлекаемое к административной ответственности лицо из других групп не обвинялось в это же время по другим статьям КоАП. **Дополнительные преследования фиксировались только в группе, связанной с украинской тематикой.**

Наличие фактов публичного унижения или физического насилия:

Одной из характерных черт преследования людей за проявление патриотических убеждения в Крыму остается практика публичных унижений, связанных с обнародованием видеозаписей, сделанных после задержания лица, привлекаемого к административной ответственности. На таких записях людей вынуждают приносить извинения, отказываться от своих взглядов и совершать другие действия, унижающие морального достоинство (например, признаваться в любви к Путину или петь российский гимн). Также к этой категории относится и публикация видео с кадрами немотивированной жестокости правоохранителей в момент задержания таких лиц.

Эта тенденции в отношении “украинской группы” осталась неизменной и в период данного исследования - из 39 кейсов в 11 случаях (28%) зафиксированы подобные факты.

Из числа сторонников криминальной субкультуры видео с публичными извинениями и утверждениями про пересмотр своих взглядов зафиксировано не было. Среди привлеченных за пропаганду нацизма лиц известно стало всего про 1 факт морального унижения (7%). Таким образом, довольно наглядно можно проследить за тем, какая категория граждан в значительной степени подвержена рискам дополнительных и внеправовых форм давления со стороны оккупантов.

Наличие и характер публикаций о правонарушениях в СМИ:

Ранее “Крымский процесс” установил наличие тесной взаимосвязи между появлением в социальных сетях видео с унижениями задержанных лиц, лояльных к Украине с распространением этой информации местными, в том числе правительственными, СМИ. При этом, как правило, заголовки и содержание текстов в медиа не соответствуют стандартам нейтральной подачи информации, а направлены на формирование негативного отношения к задержанному. Кроме того, в состав выявленной закономерности также следует включить наблюдение о том, что в отношении героев таких публикаций суды чаще выносят жесткие решения на максимальные сроки административных арестов.

Эта тенденции в отношении “украинской группы” осталась неизменной и в период данного исследования - из 39 кейсов в 11 случаях местные СМИ,

включая связанные с правительством, распространили информацию о задержанных, в том числе в таком формате, который оскорбляет их достоинство и формирует враждебное отношение к людям с подобной позицией. В качестве иллюстрации: текст в “Крымской газете” (принадлежит Совету министров Крыма) вышел с заголовком: “Не надо

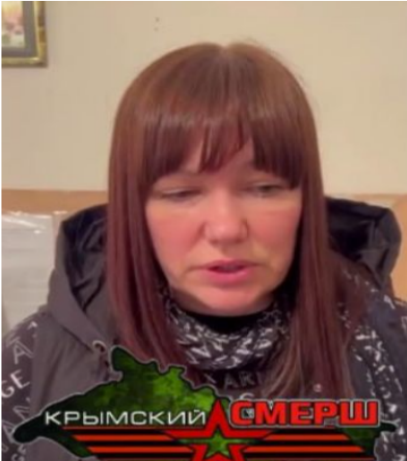
Сбор Народного Фронта “Все для Победы!”

Лента новостей Крыма

Главная Лента Важно Официально Топ Видео СМИ Паблики Мнения

Не надо было этого делать: ждуниха-нацистка из Крыма извинилась за свое поведение

13 февраля 2025, 17:58 СМИ

Сотрудники МВД Крыма и Пограничного Управления ФСБ России задержали гражданку Дерека Жанна Васильевна, которая в социальной сети «ВКонтакте» публично размещала дискредитирующие армию материалы и нацистскую украинскую символику. Об этом сообщили в Telegram-канале проекта «Крымский СМЕРШ».

«Я раскаиваюсь, не нужно было этого делать», - сообщила задержанная на видеозаписи, размещенной в Telegram-канале.

Составлен протокол, материалы направлены в суд.

Ранее ждун-нацист из Красноперекоского района раскался после профилактической беседы с полицией.

Гео: Красноперекоск
Источник: Крымская газета

было этого делать: ждуниха-нацистка из Крыма извинилась за свое поведение”. Как показало данное исследование, задержаниям людей, которые демонстрируют симпатии к идеологии нацизма, у крымских СМИ интереса значительно меньше. Зафиксирован всего один случай за период исследования, когда журналисты осветили борьбу с этой группой правонарушителей. При этом тот же самый медиа-ресурс использует в данном материале практически нейтральную лексику: “В Крыму задержали любителя нацистской Германии”. Теме привлечения к ответственности представителей уголовной субкультуры за исследуемые период ни одной публикации не посвящалось.

Доля решений с экспертными заключениями и их детализацией:

В предыдущем исследовании, посвященной проблеме преследования сторонников Украины под видом борьбы с экстремизмом, “Крымский процесс” уже обращал внимание на роль экспертизы в системе доказательств вины привлекаемого лица. В частности отмечалось, что в решениях часто упоминаются не названные эксперты которые без всяких аргументов утверждают о принадлежности символики к организациям, деятельность которых запрещена.

А между тем, в число задач специалиста, согласно теоретическим выкладкам российских ученых в сфере юриспруденции, таких как кандидат юридических наук Анатолий Хоменко и кандидат юридических наук Наталья Черемнова, входит:

- сопоставление выявленной символики с перечнем экстремистских материалов министерства юстиции или установление связи символики с организацией, признанной российскими властями, как экстремистская;
- сопоставление выявленной символики с той, которая представлена в уставных документах экстремистской организации;
- при отсутствии устава — установление использования обнаруженной символики как постоянной или систематической в деятельности организации, признанной экстремистской (с учетом выводов соответствующих экспертиз);

Вместо этого в решениях за исследуемый период можно часто встретить такие ничем не подкрепленные утверждения, как “в указанных комментариях содержатся лозунги, которые используются организацией украинских националистов (укр. Організація українських націоналістів, ОУН), члены которой активно сотрудничали с нацистской Германией, а деятельность самой организации запрещена на территории Российской Федерации”. Ни сопоставления, ни попыток установления связи с экстремистской организацией, ни аргументов о постоянном или систематическом использовании, в таких решениях не прослеживается.

Второй проблемой в этом аспекте является полное игнорирование судом отсутствия заключения экспертов для формирования своего решения. Судьи сами устанавливают по своему личному усмотрению, имеет ли символика отношение к деятельности экстремистских или нацистских организаций. Суд не подкрепляет свое мнение доказательствами или ссылками на источник осведомленности, не соблюдает и другие требования процедуры, которая позволяла бы исключить ошибочную трактовку какой-то атрибутики как запрещенной.

Анализ решений показывает, что эта проблема характерна для всех групп, дела которых рассматриваются в связи с обвинениями вокруг разного рода символики. Случаи, когда заключение специалиста было бы представлено в решении в достаточном виде, являются единичными. Однако, степень деградации в оценке доказательств, тем не менее разная. В частности, представители криминальной субкультуры из 15 кейсов в 13 случаях имеют ссылку на заключение специалиста, которая находится в материалах дела. В делах против демонстрации нацистской символики выводы специалиста упоминаются в 2/3 от всего массива, в делах против “украинской группы” — только в 56%.

Доля решений с отсутствием ссылок на законные основания преследования:

Российское законодательство о противодействии экстремизму предусматривает, что символика, за которую преследуют в рамках статьи 20.3 КоАП, если она имеет статус экстремистской, обязательно должна быть подкреплена решением суда. В крайнем случае, решение суда должно касаться запрета самой организации, использующей данную символику. “В соответствии с п. 4 ст. 1 Федерального закона № 114-ФЗ символикой экстремистской организации признается символика, описание которой содержится в учредительных документах организации, в отношении которой судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности.

А нормативной базой для определения нацистской символики выступает Федеральный закон № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне» и предусмотренный этим законом “Перечень организаций, сотрудничавших с группами, организациями, движениями или лицами, признанными преступными либо виновными в совершении преступлений в соответствии с приговором Международного военного трибунала”. Включение организации и ее атрибуты в перечень нацистских происходит при помощи отдельных распоряжений Министерства юстиции, имеющих свой номер и дату распоряжения.

Таким образом, при рассмотрении дел о демонстрации символики нацистских или экстремистских организаций, одной из процедур независимого суда является установление того, что символика в конкретно взятом деле схожа с той, которую используют организации, признанные судом или распоряжением российского минюста в качестве экстремистских или нацистских. Логичным выглядит схема в которой суд опираясь на нормативные документы (конкретное решение суда или распоряжение минюста) указывает, что некая организация X запрещена или отнесена к нацистским, а потом при помощи заключения специалиста устанавливает связь между демонстрацией конкретной символики и символикой организации X. Однако, в предыдущем исследовании было установлено, что суды в Крыму регулярно пренебрегают необходимостью убедиться в том, что организация действительно входит в число запрещенных или включена в перечень нацистских.

В данном исследовании мы более детально подошли к вопросу о том, насколько регулярно суды игнорируют необходимость обосновывать свои решения ссылкой на документы, которые подтверждают экстремистский или нацистский статус продемонстрированной символики. И, как оказалось, за последний год таких решений в общей массе по статье 20.3 заметно больше половины (62%). Цифры в разрезе отдельных групп вышли практически одинаковыми:

- представители криминального движения - 60% решений без ссылки на нормативный акт;
- сторонники нацистской идеологии - 64% решений без ссылки на нормативный акт;
- лица с проукраинскими взглядами - 62% решений без ссылки на нормативный акт;

При этом следует подчеркнуть, что во многих случаях опубликованные судебные решения содержат ссылки на нормативные акты, как того требуется, однако, сами данные о номере и дате нормативного акта скрыты, что исключает возможность проверки содержания акта и его релевантности к символике, которую рассматривают в данном конкретном процессе. За исследуемый период установлен по меньшей мере один прецедент, когда Нижнегорский районный суд [сослался](#) на решение Верховного суда РФ АКПИ14-1292С, однако при этом суд констатировал, что символика в материалах дела относится к организации, не упомянутой в решении АКПИ14-1292С. Таким образом, суд для обоснования своего решения использовал нормативный акт, не имеющий к рассматриваемой ситуации никакого отношения.

Наличие усилий суда по проверке/установлению мотивов демонстрирования:

В предыдущем исследовании отмечалось, что крымские суды в меньшей степени склонны к привлечению сторонников Украины по схеме о демонстрации нацистской символики (с опорой на ст. 6 закона «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне»). Не в последнюю очередь это связано с тем, что при подходе через «анти-нацистское» законодательство, суд должен убедиться – демонстрирование носило умысел пропаганды, а не действий «при которых формируется негативное отношение к идеологии нацизма и отсутствуют признаки пропаганды или оправдания нацизма».

В этом исследовании мы посчитали важным разобраться, а прилагают ли крымские судьи в целом достаточно усилий для установления умысла совершения правонарушений. Ожидать подобных действий суда при рассмотрении статей по статье 20.3 КоАП нас побудила [позиция](#) Верховного суда РФ об уголовных преступлениях экстремистской направленности, Пленум которого подчеркнул, что преступления «должны мотивироваться не только фактом появления текста или видеофайла в интернете, но и наличием умысла и общественной опасности». А поскольку наказание по статье 20.3 предусматривает в том числе наказания в виде лишения свободы, то фактически позицию по уголовному судопроизводству можно рассматривать и в данных делах как уместную. Впрочем, в любом случае, ст.2.2 КоАП требует от суда устанавливать, являлось ли правонарушение умышленным или по неосторожности.

Примечательно, что из 70 проанализированных дел только в одном случае судья пришел к [выводу](#) о том, что “явно выраженные признаки осуждения идеологии германского нацизма” отсутствуют. Особенно следует отметить, что во всех ситуациях, когда крымские суды выносили решения по демонстрированию нацистской символики, они не просто могли, а обязаны были проверять и отражать в своих решениях то, что сделал всего один из судей - оценку наличия или отсутствия признаков осуждения идеологии нацизма.

Однако, и при демонстрировании нацистской символики, и во всех остальных случаях, суд не разделял правонарушения на умышленные и по неосторожности. Так, например, в Сакском районном суде лицо привлекаемое к ответственности [сообщило](#), что не знало о значении запрещенной символики (“черное солнце”) и о ее принадлежности к перечню запрещенной, однако суд никакой оценки этой позиции не дал. В другом случае лицо [сообщило](#) о том, что его страница в социальных сетях была взломана неизвестными, которые и разместили запрещенную атрибутику. Эта позиция также указывает на необходимость проверки наличия умысла и целей правонарушения. Однако, и в этом случае оценка судом позиции привлекаемого лица не дана. Таким образом, отмечается системное и массовое процессуальное нарушение, укоренившееся в практике крымских судей.

Выводы:

1. Судебные преследования за демонстрирование украинской символики и атрибутики под видом демонстрации нацистской символики, имеют место в значительно большем количестве, чем преследование за непосредственно демонстрацию атрибутики нацистской Германии.
2. Судебные преследования за демонстрирование украинской символики и атрибутики под видом демонстрации экстремистской символики, имеют место в значительно большем количестве, чем преследование за демонстрацию другой экстремистской атрибутики, такой как символика криминальной субкультуры.
3. Выносимые судом наказания за демонстрирование украинской символики и атрибутики заметно суровее, чем за аналогичные правонарушения по демонстрированию нацистской и экстремистской атрибутики, а также часто имеют несколько сопутствующих правонарушений, чего не наблюдается в кейсах, которые не связаны с Украиной.
4. Практика публичного распространения видео с извинениями характерна преимущественно только для лиц, демонстрирующих симпатии к Украине. Публикации в СМИ о правонарушениях экстремистского характера неразрывно связаны с появлением подобных видео (что указывает на общую координацию

информационных процессов), а также направлены на формирование негативного или агрессивного отношения к тем, кто проявляет свои проукраинские взгляды.

5. Ряд процессуальных нарушений при рассмотрении дел экстремистской направленности имеет системный характер и между разными группами процент таких нарушений выглядит в основном равномерно. Исключение составляет подход суда к использованию заключений специалистов - в делах с украинской направленностью суды заметно чаще дают самостоятельную оценку, не прибегая к предусмотренной законодательством для таких процедур внешней экспертизе. Это также указывает на дискриминационную политику судопроизводства в делах "украинской группы".